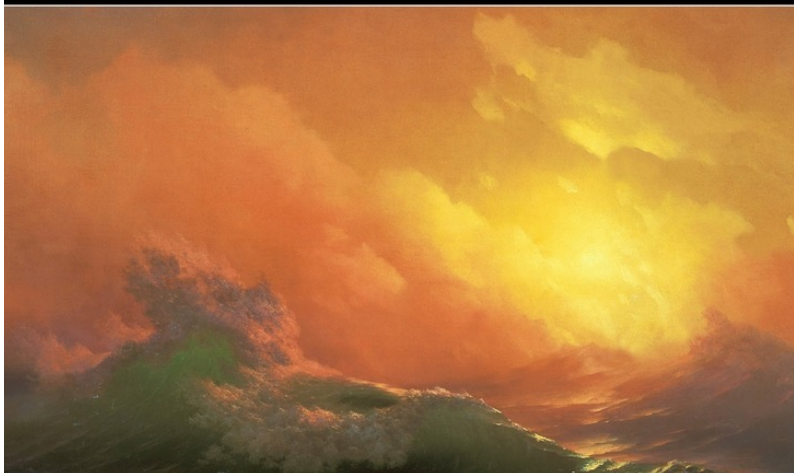

Сергей Голиков

*Под
КОЛПАКОМ*

Сборник рассказов

Сергей Голиков
Под колпаком.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22102097
ISBN 9785448345487*

Аннотация

Здравствуй, отчаянный пленник мира под колпаком. Не ликуй и не бей в фанфары, слушай и мотай на ус. Не важно имя моё, не важны даты и время. Воздух разряжен, а кровь, текущая по твоим венам, не имеет ни цвета, ни запаха. Ты борешься за жизнь, а жизнь умерла, она спит, и ей снятся скучные чёрно-белые сны.

Содержание

Житьё, бытъё	5
Под колпаком	12
Глупый птенец	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Под колпаком
Сборник рассказов
Сергей Голиков

© Сергей Голиков, 2016

ISBN 978-5-4483-4548-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Житьё, бытьё

Когда я появился на свет божий, мир не содрогнулся. Мир настолько огромен и занят собой, что ему и дела нет до очередного карапуза, заляпанного внутриутробной слизью с дрягающей между ног пуповиной и кое-чем ещё. Тело омыли, пуповина высохла и отвалилась. Отец взял меня на руки и, хмыкнув саркастически, швырнул на диван. Отвесив матери затрещину, он собрал свои скудные пожитки и, громко хлопнув дверью, исчез навсегда. Мать больше не шептала мне на ушко ласковые слова и не прижимала мою пухлую щёку к своей тёплой упругой груди. Её громкие слова вселяли в меня ужас, и я опорожнялся от страха. Её дыхание становилось настолько неприятным, что я и сам старался избегать этих редчайших секунд её снисхождения ко мне. Громкая музыка и никогда не выключающийся свет дополняли и без того печальную картину моего существования. Пока однажды не произошло то, во что было сложно поверить, а точнее осознать моему маленькому бестолковому мозгу. Зловещая тишина и отвратительные галлюцинации, от которых моё хиленькое ещё совершенно безгрешное тельце, будто одержимое бесом, извивалось и замирало, запутавшись в мокром омерзительно пахнущем тряпье. Не знаю, сколько часов, а может даже и дней я пробыл в этом обречённом на гибель положении, до той роковой минуты,

когда в полуоткрытую дверь моего жилища зашёл незнакомый человек и спас меня. Вот так я и очутился в детском доме. В мире скорби и жестокости, в плену отрешённости и безразличия, прочно связанных одной верёвкой с десятками подобных себе. Брошенных и никому ненужных, маленьких ни в чём неповинных людей.

Время шло, и организм закалялся. Синяки быстро сходили, а отсутствие нескольких зубов не вызывало особого дискомфорта. Страшнее и серьёзнее настоящего были мысли о будущем. Я совершенно понимал, что однажды придётся покинуть и эти уже ставшие родными серые, местами облупившиеся стены. Я не боялся улицы, смерти в подворотне или предательства. Я умел дать отпор, но остаться одному среди огромного, безумного, кишашего муравейника под названием «мир», одна только мысль об этом вселяла в меня ужас. Я ломал себе голову, а судьба уже всё начертала и расставила по полочкам. Прямо из стен детдома, я попал в армию чему, несомненно, был рад и, скинув с плеч увесистую гору сомнений, без всякого сожаления впрягся в жёсткую лямку армейской жизни. Но после трёх месяцев в учебке я попал на войну. «Братья по – несчастью» – окрестил наше подразделение ротный и был прав. Все три взвода, личный состав которых, были выходцы из детских домов, не имеющие ни крыши над головой, ни единой перспективы в жизни. Оно и понятно. Позвала Родина – мать. И мы не против и им проще. Поди, возьми грех на душу, если сына влиятельного

гражданина или чиновника грохнули, полетят головы с плеч, а тут, так, не велика потеря.

Самое страшное на войне – это когда человек не боится смерти. С ним не идут в разведку, сторонятся, не доверяют. И каково было нашему ротному? К нам приставили несколько контрактников, чтобы так сказать остудить головешки в мозгах, но не тут – то было. Стране нужны герои, а герои долго не живут. Через полчаса нас закидали минами и в первом же бою мы потеряли восемь человек убитыми и пятнадцать ранеными. Скажу честно, стремление к героизму понизилось, хотя особой паники не наблюдалось. Ночью подъехали два танка и забрали двухсотых, сложив на броню безжизненные, окровавленные тела. Часом позже за трёхсотыми подкатили три БТР. Четыре хлюпеньких санитаров и молоденькая медсестра, которая тут же потеряла сознание, и её унесли обратно. Прячась от ночного холода, мы скучковались в развалинах какого – то дома и ждали утра. Практически на рассвете, на нас вышли десять солдат срочников: говорят, что был бой, и их отрезали. Они тряслись от холода и, жадно затягиваясь табачным дымом, благодарили бога за благополучный исход. Утром связались по рации с их командованием, ответ был такой: – «Мы не можем забрать беделог в силу непрекращающейся долбёжки близ лежащей местности».

Весь последующий день продолжалась миномётная дуэль. В ушах стоял несмолкающий свист летящих снарядов. Лица

покрылись копотью, горело всё, что имеет свойство воспламеняться и извергать дым. С наступлением темноты и затишья наши потери составили три двухсотых и два трёхсотых. Раненых перевязали и вкололи промедол, подводу не прислали, и утром к числу мёртвых прибавился ещё один. Четыре последующих дня были тяжёлыми и мрачными. Время замедлилось, а иной раз казалось, что и вовсе остановилось. Запасы еды и боеприпасов таяли на глазах. Запах гари, тлена и испражнений впивался в чёрные закоптевшие ноздри. Я открыл в себе новую доселе неизведанную способность. Я начал думать. Думать, глобально погружаясь с головой в невидимый омут, я бы даже сказал, сугубо философских размышлений. Раньше я думал, что голова нужна лишь для того, чтобы пробивать ею стены, каким же глупым и недалёкозорким был мой прокуренный разум. Мир, из которого мне удалось вырваться, и мир, в котором я оказался, особо не отличаются друг от друга. Я думал так сначала, но потом, потом моё мнение изменилось. На протяжении всей более-менее осознанной жизни моей семьёй была стая. Озлобленная, не верившая ни в бога, ни в черта, серая масса людей, или как любят выражаться некоторые шибко речистые умники, «недочеловеки» отбросы общества. Можно конечно быть и белой галкой среди чёрных ворон, но я – то знаю, какой печальный исход ожидает этого глупого самонадеянного героя. С самых первых дней в наши детские умы была заложена жестокость. Мы не умели прощать и уважать

ближнего своего. Слабый знал своё место, а сильный бил себя в грудь кулаками и наслаждался триумфом. На войне нет слабых. Здесь есть трусы и предатели. Есть бойцы и герои. Есть приказ и ты должен его выполнить. Не важно, кем ты был «до», твоя мать – Родина! Иди и дерись за неё. Но есть и одно «но» объединяющее прошлое с настоящим. Я был и остаюсь одинокой, никому ненужной человеко-единицей.

Шестые сутки бессмысленной мясорубки медленно, но верно приближались к своему неизбежному завершению. Звуковую гамму наполнили урчания животов и стон раненых. За последние дни, а точнее промежутки между канонадами я как – то само собою произошло, сдружился с одним из прибывших к нам ребят. Он был из полноценной семьи, и, казалось бы, какая нечистая сила могла сблизить таких совершенно противоположных людей. Я поражался лёгкости общения с ним. Куда он делся – этот чёрствый, не ведавший жалости зверь? Впервые в жизни я изливал душу другому человеку и чувствовал облегчение. Он слушал внимательно, не перебивая, словно пытался заучить наизусть каждое слово сказанное мной. Иногда он доставал небольшой блокнот, страницы которого были перепачканы сажей и делал какие – то пометки, вечно ломающимся и отсыревшим грифелем карандаша.

– Что ты пишешь? – спросил я.

– Когда я вернусь домой, я напишу о тебе маленькую повесть, – ответил он.

– Зачем?

– Я чувствую, что просто обязан это сделать.

– Но зачем? – переспросил я снова.

Он не ответил. Прозвучала команда к бою и лязг металлических затворов разорвал и без того трепетную пелену тишины.

– Идём на штурм, – раскатистым басом прогремел ротный. – Ночью вернее. Останемся в обороне, все отдохнем. Патроны на исходе, связи нет.

Идея взять сонного врага врасплох не увенчалась успехом. Нас сразу заметили и открыли огонь. Светящиеся в темноте пули навивали ужас. Они жутко свистели и глухо вонзались в сумасшедшие, несущиеся навстречу смерти тела. Оставив позади раненых и убитых, выпучив глаза, и взревев подобно дикому зверю, мы ворвались в логово неприятеля.

«Живой» – это последнее что зародилось в моём молодом, истерзанном мозгу. Последняя мысль, словно маленькая и необузданная искра, вспыхнувшая на миг и погасшая навсегда. Всё произошло настолько быстро, что я не сразу сумел осознать произошедшее, я висел в воздухе и смотрел на своё изуродованное бьющееся в конвульсиях тело.

Время остановилось. Вечность распахнула свои необъятные просторы и куда ни глянь, всюду голый безжизненный пустырь. Тело остыло, а вместе с ним и осколки, безжалостно пронзившие и убившие всё то, что с такими мучениями было воссоздано и одушевлено. Толстый слой грунта подоб-

но бетонной массе навалился на мрачную цинковую крышку. Пройдёт год и обвалившийся неказистый холмик скроет трава. Пройдёт десять, и сотрутся последние следы моего бренного земного существования. А может однажды из невидимых, но проворно загребущих лап ветра выпадет маленькое почти не приметное семя и спустя годы прорастёт в могучее красивое дерево. И стаи птиц, сидя на молодых укутанных зеленью листьях ветках, будут петь, и радоваться жизни. А может это сон. Ещё немного и я проснусь на мягкой чертовски уютной кровати.

«Приснится же такое», – подумаю я и прикурю сигарету. Потом бесшумно на цыпочках прокрадусь в детскую комнату и буду целовать в пухлые щёчки двух сопящих ни о чём не подозревающих близнецов. Сзади подойдёт жена.

– Ты чего? – спросит заспанным, но до боли приятным голосом.

– Да вот перед работой, зайду, думаю, чмокну своих ненаглядных карапузов! – пытаюсь выпутаться, растерянно отвечаю я.

– Какой работой? – произнесёт она удивлённо. – Выходной же!

Ах, сколько бы я отдал за то, чтобы это был сон.

Под колпаком

Если верить моим расчётам, наступила двадцать пятая ночь нашего заточения. Мы сидим за небольшим, но довольно увесистым деревянным столом, молчим, и словно загипнотизированные смотрим на огарок свечи. Пламя сбивается, прыгает то вверх, то вниз, когда оно погаснет, нас проглотит чёрная безответная тьма. Мы – это три мужчины и одна женщина. Наш возраст примерно одинаковый, или, по крайней мере, разница не особенно ощутима. Никому из здесь присутствующих я бы не дал более тридцати лет, в том числе и себе. Мы находимся в каком – то непонятном помещении, в нём нет, ни окон, ни дверей, нет даже кроватей и туалета. Оно квадратное и довольно вместительное предположительно восемь на восемь метров. Стены обшиты толстыми не обтёсанными досками, почерневшими от времени. Из потолка свисает конец огромной металлической трубы с лестницей из прочно сваренной арматуры. Однажды мы поднялись по этой лестнице и оказались на воле, но торжество наше длилось не долго. Жилище было полностью погребено под снегом, на поверхности находилась лишь эта самая труба, возвышаясь метра на три – четыре. Сильная снежная пурга не оставила нам ни единого шанса на раздумье, очень скоро мы покорились её воле и спустились вниз. Самое страшное, что мы совершенно не помним как оказались в этом месте.

Однажды мы проснулись и выпучили глаза от удивления, вот и всё, что мы помним. Один раз в неделю обязательно в то время когда каждый из нас спит, на столе каким – то необъяснимым образом появляется пища, вода, свеча и коробок спичек. Своих прежних имён мы тоже не помним, и поэтому придумали друг – другу смешные и незатейливые клички. Меня нарекли «Философом», наверное, потому, что говорю обдуманно и надолго ухожу в себя. Я не протестую, мне всё равно, как в прочем и остальным. Второго из мужчин самого болтливом маленького ростом, мы, не задумываясь, назвали «Боб». Третий долговязый и бесформенный получил имя «Винт», а женщину единогласно и безоговорочно мы назвали «Ласка». Она расцвела в улыбке и наградила каждого из нас горячим поцелуем в щёку. Вчера я сконструировал что – то похожее на биотуалет из пустых пластиковых бутылок, которые совершенно фантастическим образом появляются на нашем столе и заслужил ещё один не менее приятный поцелуй. Ласка очень довольна, хотя ей особенно неудобно и должно быть неприятно в душе справляться в изготовленный мною агрегат, я обязательно усовершенствую его, когда снова накоплю бутылок. Мы её очень любим и стараемся хоть как – то скрасить её наверняка незаслуженные страдания в этом проклятом снежном плену. Мы облачены в довольно тёплые одежды, я думаю, что после того как нас усыпили и стёрли память, нас и одели в эти костюмы.

– Совсем погасла, – тихим голосом произнесла Ласка.

– Да, ничего не поделаешь, – отозвался Винт.

– А я люблю ночь, какого чёрта, как вы думаете? Может я сын дьявола? – заливаясь хохотом, выдал Боб.

– Типун тебе на язык, Боб. Как ты смеешь упоминать нечистого? – ответила Ласка.

– В самом деле, Боб. Это очень плохая шутка, – произнёс я, выделяя в голосе ноту негодования.

– Давайте спать, – сказал Винт. – Новая свеча не появится, пока мы бодрствуем, а по моим подсчётам сегодня стоит ожидать и еду.

– Хоть бы что-нибудь горячее, вроде супа или котлет, – глотая слюнки, добавила Ласка.

– Ага, как же, раскатала губу, – промычал Боб. – Ты кстати сегодня к кому прижмёшься? Может снова ко мне, вчера нам было так хорошо! Помнишь Ласка?

– Только через мой труп, – гордо ответил Винт.

– Это не сложно сделать, коротышка.

– Рискни здоровьем!

– А это идея, Винт.

– Ты это нарочно, Боб? Твой юмор унижает меня, – вмешалась Ласка.

– Я шучу, сестрёнка, а что ещё остаётся делать? – возмутился Боб.

– Ещё одна шутка подобного характера и тебя скинут с трубы, – ответила Ласка.

– Да, и кто это сделает? Философ? Винт? А может ты са-

ма, а сестрёнка? – прокряхтел Боб, укладываясь на холодный дощатый пол.

Я почувствовал, как злость начинает вскипать в моих жилах. Ещё немного и я нападую на этого наглеца.

– Уймись, Боб. Ты слишком разошёлся, – выпалил я.

– Ложитесь же спать, – послышался голос Винта.

– Спать так, спать, – прошипел Боб. – А все же к кому прижалась Ласка?

– Ни к кому, успокойся, я сплю одна. Проклятая труба воеет как раненый зверь, – полушёпотом ответила Ласка.

– Чёрт возьми, – думал я, уткнувшись лбом в деревянную столешницу. – Чудес не бывает, всё неспроста. Если у нас появляется пища, значит кто – то её приносит. Это не может быть призрак или что – то тому подобное. Этот кто – то, несомненно, человек. Но кто? Если мы сошли с ума и пища на нашем столе иллюзия, задаётся вопрос, как питаюсь одной иллюзией, мы живём? Нет. Всё гораздо проще и я добьюсь истины, добьюсь, во что бы то мне ни стало.

Ветер усилился. Труба заревела ещё зловещей. Мысли расплываются, я медленно засыпаю.

Перед моими глазами какая – то чёрная завеса. Я нахожусь в полумраке, мне холодно и страшно. Не знаю почему, но мне кажется, что за этой завесой тепло и светит солнце. Я хочу туда. Я медленно протягиваю руку и касаюсь завесы. Пальцы тонут, а точнее вязнут, словно в разогретой мастике. Я с ужасом отдёргиваю руку назад, на пальцах оста-

ётся вязкая, противная, чёрная масса. Какое – то странное невидимое поле сковывает моё тело, небо гудит и разрывается сотнями ярких вспышек. Раздаётся оглушительный звук взрыва, под ногами исчезает земля, я стремительно несусь вниз. Сон обрывается, я просыпаюсь. Мне чего – то хочется, в горле першит, руки самопроизвольно лазают по карманам. Вдруг до моих ушей доносится какой – то посторонний звук. Что это может быть? Винт и Боб сладко посапывают, Ласка тоже спит, я слышу её дыхание, но что – то ещё совершенно чётко тревожит мои барабанные перепонки. Темнота настолько плотная, что даже привыкшие к ней глаза не способны что – либо уловить. Звук характерен шмыганью носом, кто – то пытается уловить запах, с какой целью, вот вопрос?

Я медленно ощупал стол, надеясь найти свечу, но ничего не нашёл.

Что – то коснулось моей ноги. Очень медленно и бесшумно я опустил руку вниз, пальцы коснулись чего – то волосяного и тёплого. Неопознанное существо вздрогнуло, чуть двинулось вперёд и снова застыло на месте. Из моей памяти удалены моменты, связанные с прошлой жизнью, но в ней осталось ещё очень многое. Я знаю, что такое собака, кошка, я могу отличить медведя от кабана, но кто находится возле моих ног, с уверенностью сказать не решаюсь.

Винт прокашлял и перевернулся на другой бок.

Гостю это явно не понравилось, он рванул в сторону спящего Винта с совершенно бешеной скоростью. Раздался ду-

шераздирающий крик Винта, так способен кричать лишь человек угодивший ногою в волчий капкан.

– Твою мать, сука, кто откусил мою ногу?

– Что случилось? – ничего не понимая, спросил Боб.

Послышался визг проснувшейся Ласки. Я вскочил с места настолько неуклюже, что сумел перевернуть стокилограммовый вытесанный из сырой древесины стол. Это было наше спасение. Он грохнулся прямо на незваного гостя, и надёжно придавил его к полу. Звук, который извергло существо, заложил наши уши. Ничего не понимая, я упёрся грудью в кромку стола, стараясь тем самым усилить давление. По непрекращающейся вибрации я сознавал что существо по-прежнему живо и не оставляет попыток вырваться.

– Больно, сука, как больно, – продолжал кричать Винт.

– Давай сюда, Боб, – прокричал я.

– Где ты, Философ, что случилось?

– Сюда Боб, сюда.

Боб ринулся на мой голос, но запнувшись за ножку перевёрнутого стола, с грохотом рухнул на пол.

– Нос, я сломал нос, – истерично завопил Боб.

– Давай, Боб, давай. Хватайся за мою руку.

Я протянул левую руку в сторону Боба. Он понял, что от него требуется. Мы навалились на перевёрнутый стол вместе.

– Что – это? Кто –нибудь, мне скажет, что случилось? – прерывисто спросил Боб.

Что я мог ответить?

– Не знаю. Но что – то серьёзное.

Вдруг я вспомнил, что в моём кармане лежит коробок со спичками, чего—чего, а спичек у нас всегда в достатке. Дрожащею рукою мне удалось нащупать измятый коробок. Задерживая дыхание и пытаясь изо всех сил унять дрожь, я достал спичку и зажёл её. То, что увидели мои глаза, мозг никак не хотел принимать за действительность. Таинственным существом оказалась огромная крыса. Кромка столешницы передавила ей шею, но воздух продолжал попадать в легкие, она отчаянно боролась за жизнь, вырисовывая задними лапами резкие и опасные пируэты. Её когти были остры и невероятно длинны, это посылно чуду, что наши ноги ещё целы и невредимы, если не считать ранение Винта. Таких мутантов не способна создать природа, здесь явно замешен человек.

– Будь осторожен Боб, когти на её задних лапах способны вывернуть кишки и запросто вскроют череп.

– Что – это за тварь?

Я обжог пальцы догоревшей спичкой и громко закричал. Чернота ночи снова захлопнула пасть.

– Что с тобой, Философ? Эта сука укусила тебя? – отозвался Боб.

– Нет. Спичка обожгла мои пальцы. Винт, ты можешь двигаться? Если да, помоги нам.

– Нет, моя нога онемела. Я не чувствую её.

– Ласка, девочка моя, помоги нам.

Меньше всего мне хотелось впутывать Ласку в это дело, но выхода не оставалось, у меня не было даже вилки, у меня не было ничего, чем бы можно было нанести смертельный удар.

– Нет, нет. Я бо—ю-сь, – заикаясь, ответила Ласка.

– Матерь божья, – послышался голос Винта. – Я истекаю кровью.

– Не бойся, Ласка, – я зажёл новую спичку. – Ползи сюда милая, я скажу, что нужно делать. Будь осторожна, следи за лапами твари.

На этот раз ей удалось перебороть страх. Заглатываясь слезами, она поспешила на помощь.

– Помоги Винту, он истекает кровью.

– Я не смо-гу.

– Нет, сможешь! У тебя всё получится. На его штанах есть ремень, расстегни его и выдерни.

Её руки дрожали и совершенно не слушались, порой мне казалось, что она потеряет сознание, но она справилась.

– Умница, какая же ты умница девочка, – продолжал я, давя из последних сил на кромку стола, меняя догоревшие спички.

– Что дальше?

– Теперь стяни с него штаны, это очень важно Ласка.

Она выполнила и эту просьбу.

– Теперь перетяни ногу ремнём, как только можешь,

со всех сил тяни.

Она отважно принялась за дело.

– Как больно, сука, как же больно, – закричал Винт.

– Не там милая, там две кости, выше колена, перетягивай выше колена, – продолжал я.

Пульсирующие красные фонтанчики исчезли.

– Вот и всё ты справилась. Зафиксируй ремень в этом положении. Ты очень сильная девочка. Я верил в тебя, и ты не подвела! А теперь иди к нам, не бойся.

Заглянув в её глаза, я понял, она уже не боится.

– Делай как мы, налегай всей массой тела на эту штуковину. Вот так.

Из глотки крысы послышалось булькающее рычание. Амплитуда движений задних лап ускорилась вдвое, вибрация стола усилилась. – Это хороший знак, – подумал я про себя. Смертельная агония ещё несколько секунд и мы спасены.

Через пять минут мы победно ликовали. Мы валялись на полу, обнимая и целуя друг – друга.

– Как она её, а! Раз и всё. Ай да Ласка, а вроде такая хрупкая! – заливаясь смехом, сказал Боб.

– Уж прямо, если бы не вы! Герои мои! – лукаво ответила Ласка. – Кстати как там Винт?

– Как ты, Винт? Откликнись дружище! – крикнул Боб. Ответа не последовало.

– Винт, ты слышишь нас? – спросил я. Но ответа снова не было.

Я встал на ноги и хотел зажечь спичку, но коробок оказался совершенно пустым. Я мысленно представил месторасположение Винта и, склонившись, отпустив руки вниз, потихоньку побрёл в его сторону. Он лежал неподвижно, лицо покрылось холодным потом. Я нащупал ремень и ослабил натяжку, кровь не потекла. Я прильнул ухом к груди, стук сердца не прослушивался.

– Он умер, – вырвалось с моих губ.

– Как умер? – спросил Боб.

– Этого не может быть, – прошептала Ласка.

Я произвёл массаж сердца попеременно с искусственным дыханием, но сердце не завелось.

– Он умер, – повторил я снова. – Давайте попытаемся поставить стол на ножки, а с этой тварью завтра, что-нибудь придумаем.

– Что делать с телом Винта? – спросил Боб.

– Завтра постараемся вытащить его наружу и похоронить.

– Прямо в снег?

– А что нам остаётся.

Перевернув стол, мы поставили на место скамейки, о которых совершенно забыли и которые очень бы помогли во время схватки. Не знаю почему, но сели мы снова на пол.

– Всё, что с нами сегодня произошло, не является случайностью, – начал я. – С нами играют в кошки – мышки. Кошка знает, что мышь обречена, но не желает убивать её сразу, и мышь о своей жалкой участи тоже догадывается, но изо

всех сил пытается спастись. Завтра мы постараемся оторвать несколько досок от стен и забаррикадируем ими трубу, неизвестно, что на следующий раз оттуда выпадет, может гигантская змея или крокодил. Сегодня мы одержали победу и понесли первые потери, в следующий раз победить будет сложнее. Хорошо если нас покормят и позволят осветить жилище.

– Я не хочу умирать, – прошептала Ласка.

– А кто сказал, что мы умрём, – взяв себя в руки, воскликнул я. – Теперь мы готовы к атаке, чёрта им в ступе.

– Какой план, Философ, – заметно оживился Боб.

– План до смешного прост, – продолжил я оптимистический настрой своей души. – Они не решатся поморить нас голодом, игра только началась. В данной местности учитываем полное отсутствие пищи, не могло и не может быть подобной живности, а это значит главный наш враг человек. Я отдам голову на отсечение если не докажу, что в помещении имеются другие выходы и входы. Этим мы и займёмся в первую очередь, как только у нас появится свет.

– Значит дело не в трубе? – вмешался Боб.

– И в трубе тоже. Пока мы бодрствуем, другими лазами они не воспользуются. Но рано или поздно нам принесут пищу и свечи. Через трубу это сделать проблематично. Одно дело швырнуть в неё мутанта и совершенно другое спуститься и подняться обратно, не произведя ни малейшего шума. Чтобы не позволить нам смешать их карты, они всё же риск-

нут, вот тут и нужно быть начеку. Мы поймаем мерзавца и возьмём его в плен.

– Гениально, – воскликнул Боб. – А если они нас усыпят, распылят какой-нибудь газ, например.

– Боб, Философ уже говорил, что убить нас в их планы не входит, – прошипела Ласка.

– Какие вы умные, а я, между прочим, про убить и не сказал, – обидевшись, проворчал Боб.

– Слушайте сюда! С этой минуты начинаем нести круглосуточное дежурство возле трубы, я и Боб. Мы будем сменять друг друга ровно через шесть часов, пока в моих часах не села батарейка сделать это не составит труда. Первым дежурю я, остальные спать!

– Нет, – возразил Боб. – Винт был и моим другом, а я проспал приход этой твари, я в особенном долгу перед ним, дежурю я.

– Не возражаю, пожалуйста.

– Один вопрос?

– Валяй Боб!

– Что делать если...

– Ори что есть мочи, вонзись зубами в шею, второго случая может и не быть, – выпалил я, не позволив Бобу договорить.

Сон не шёл, да и как могло быть иначе. Кому мы могли перейти дорогу? Ласка, прижавшись ко мне, упокоилась и засопела. Боб стоял, совершенно не шевелясь, если конечно

стоял, полностью положится на него, я не решался. В помещении два трупа и пряный запах крови, – это ещё цветочки, дня через два тела начнут разлагаться, как не крути, а температура здесь плюсовая. Кем я был раньше? Откуда мне известно как накладываются жгуты, и заводится сердце? Эти вопросы впились в мои мозги, виски сдавила боль. Я не заметил, как заснул.

Проснулся я от тихой музыки на своих часах, пора смеяться Боба.

– Боб,

– Да Философ!

– Как дела, Боб?

– Всё отлично! За время дежурства ничего не произошло!

– Я рад это слышать, Боб! Ты блестяще справился с поставленной тебе задачей, можешь идти спать.

– Хорошо разбуди меня пораньше, у нас много дел!

– Я понял Боб!

Я был действительно рад, убедившись в надёжности Боба, все подозрения сняты. Я поспешил справить нужду, пока Ласка спит и по привычке шаркнул рукой по столу, рука ударила по пакету с чем – то холодным. Я начал исследовать стол дальше и нащупал свечу, потом я нашёл спички и бутылку с водой. Гнев вспылил во мне словно сухой первосортный порох. Я зажёг свечу.

– Что это всё значит, Боб?

Он открыл рот, но долго не мог произнести ни слова.

– Я не понимаю, – проямлил он.

– Ты спал, Боб?

– Нет, я не сомкнул глаза, я честно не знаю, как это могло здесь появиться.

– И не только это, куда девались трупы, Боб?

***

Душераздирающий вой из трубы затих, наступила глухая могильная тишина. Я слышу раздражающий треск свечи, проснувшаяся Ласка хлюпает носом и смотрит на пакет с замороженными креветками. Боб сидит на полу, прижавшись спиной к стене. Взгляд его холодный и отрешённый. Я стою у стола склонившись над оплавившейся на треть свечёй. Руки дрожат, к гортани подкатила волна неопишуемой ярости вперемешку с досадой. Мысли вздорные и шальные как стая птиц, обречённая на неминуемую гибель.

– Что случилось, мальчики? – дрожащим голосом произнесла Ласка.

– Увы, моя хорошая, я понимаю и вижу не больше тебя, игра продолжается, – ответил я сухо. – Никто не виноват. Перестань себя клясть, Боб. Мы внутри волшебного мешка, который находится в ловких руках безжалостного фокусника иллюзиониста. Всё вокруг обман, всё просто и легко, но логического объяснения нет, в том и прелесть любого искусно выполненного фокуса.

– Мы обречены? – робко спросила Ласка.

– Что бы с нами не случилось, мы будем продолжать бороться до конца, только продолжая сопротивляться, война не считается проигранной.

– Ты забыл главное, Философ, наша война давно проиграна. Мы в проклятом чёртовом плену, – неожиданно отозвался Боб.

– Нет, ты не прав, Боб. Если в человеке не сломлен дух, он продолжает сопротивление, не смотря ни на что. Посторонитесь и не мешайте мне, я найду этот дьявольский таинственный лаз.

Словно освободившись от каких – то невидимых пут я схватил свечу и приступил к исследованию стен. Я начал пристально всматриваться в каждую щель, в каждое углубление между чёрных потрёпанных временем тесин. Я пытался просунуть в них пальцы и вырвать с корнем эти бездушные древесные материи, в которых не было ни гвоздей, ни винтов, словно они приклеены или прочно примагничены к чему – то ещё. У меня получилось. Одна из досок отделилась и с грохотом рухнула вниз. Ликуя, я направил свечу в образовавшийся промежуток и наткнулся на серую бетонную стену. Я не отчаялся, с удвоенной злостью, ощущая всем нутром неминуемую близость развязки, я приступил к изучению пола. Как ни странно, но до сей поры мне казалось, что пол тоже дощатый, но освятив его пламенем свечи, я убедился, что это не так. Я ползал на четвереньках, впиваясь глазами

в каждый миллиметр холодной прорезиненной поверхности, но не находил ни единой трещинки. Взобравшись на плечи Бобу, я тщательно исследовал потолок, ни каких зацепок. Обессиленный, скрипя зубами, я рухнул на пол и зажмурил глаза. Голова трещала, словно внутри её работали сотни отбойных молотков, по всему телу шла холодная вибрация.

– Мы сошли сума, – проговорила Ласка, сидя на полу, обхватив руками колени.

– Нет, что ты? Это не фиаско. Кто – то точно желает нашей шизофрении, но мы остаёмся в здравии, – ответил я.

Всегда когда она прибывает в подобном настроении, во мне открывается второе дыхание. Я не могу позволить, чтобы она видела мою слабость. Я понимаю, в конце – концов, мы погибнем, но пока в моей груди бьётся сердце, я буду делать всё, чтобы оттянуть это время.

– Мы безнадежны, словно слепые новорождённые котята, – вмешался Боб.

– Что ты говоришь, Боб? У нас масса преимуществ, – возразил я со злостью в голосе.

– Например?

– Замолчи, Боб. Когда ты открываешь рот, мне хочется плакать, – осекла Ласка.

– Отставить, – командирским голосом рявкнул я. – Вы словно глупые аквариумные рыбы, спешите заглотить всё, что вам насыплет коварная мозолистая рука. Прости Ласка, но мы обязаны держаться вместе. В любой нелепости может

скрываться спасение. Мы с Бобом постараемся забаррикадировать трубу, а ты покушай, я думаю, очередные гости не заставят себя долго ждать.

Перекрыть трубу полностью нам не удалось. Двух скамеек и метровой доски оторванной мною от стены было совершенно не достаточно. В прорехи между сооружением запросто мог протиснуться человек весьма упитанной структуры тела. Устранить казус было невозможно.

Говорят, что человек без пищи способен прожить весьма длительное время. Без воды меньше. Интересно сколько может существовать человек, находясь в постоянном страхе, ежесекундно ожидающий опасность, пребывая в тёмном ящике, замурованном в снегу где – то в самой критической точке Севера? Нас запросто могут натравить друг на друга. Подкинуть каких-нибудь крошечных насекомых, способных прошить человеческую плоть подобно заряду дроби. Поморить голодом, сжать воздух и многое, многое другое. Иногда я полностью согласен с Бобом. Для чего мы боремся? Какая разница, когда нас умертвят и сколько мы одержим побед, если в итоге мы всё равно проиграем? Но с нами женщина, и это всё что заставляет меня бороться. Мне уже не особо важно, каким способом мы сюда попали. Я точно знаю, что мы обречены на гибель, но ни смотря ни на что борьба за жизнь продолжается.

Мы стояли на металлической лестнице примерно по центру трубы, именно в этом месте было решено соорудить за-

пруду и как загипнотизированные смотрели вверх на свою бестолковую незамысловатую конструкцию, когда раздался пронзительный визг Ласки. Мы совершенно забыли, что оставили её внизу совсем одну. Очертя голову мы поспешили на зов. Ласка сидела в углу, свеча еле теплилась, я подбежал и обнял её за плечи. Глаза понемногу приспособабливались к полумраку, я заметил, что её ватник распахнут, а массивные штаны чуть приспущены. Вероятно, она воспользовалась нашим отсутствием, чтобы свершить свои маленькие женские секреты, и в это время случилось что – то страшное.

– Что произошло, Ласка, милая моя? – спросил я полушёпотом.

Она попыталась ответить, но язык не слушался.

– Что стряслось? – вмешался Боб. – Кто тебя обидел, Ласка?

– Соберись милая, это очень важно, – продолжил я.

Она подняла руку и указательным пальцем ткнула в противоположную сторону.

Я обернулся и, прищулив глаза, заметил контуры человеческого тела, он, как и Ласка, сидел на полу, прижавшись спиной к стене. Ничего, не соображая, я вскочил на ноги и бросился в сторону гостя.

– Ага, попался сволочь, – проорал я, вцепившись пальцами в худощавую шею недруга.

Он захрипел и открыл рот.

– Держи тварь, – я ударил его коленом в область груди.

Боб находился рядом и тоже искал случая поддаться, но я не позволял этого сделать, повалив гада на спину и сев на него верхом. Мои кулаки, словно молотки, гуляли по его впалым щёкам, из носа и губ сочилась кровь.

– Боб возьми ремень и вяжи эту тварь.

– За что вы меня бьёте? – слышалось из окровавленных губ. – Что я вам сделал?

Подбежавшая Ласка пыталась из последних сил обездвижить мои руки. Боб шипел, словно мартовский кот, встретившись с соперником.

– Не надо, пожалуйста, – верещала Ласка.

Невероятным способом я сумел побороть гнев и вернул связанного гостя в первоначальное положение.

– Кто ты такой? Не вздумай врать,

– Я не знаю. Я ничего не понимаю, – промычал он, за что получил жестокий удар кулаком от Боба.

– Да успокойтесь же вы, бога ради успокойтесь, – снова вмешалась Ласка. Возьмите себя в руки, чёрт вас дерит.

– Как ты сюда попал? – прорычал Боб

– Я не знаю.

– Кто и с какой целью тебя сюда послал? – продолжал я.

– Я честно не знаю, – он заплакал.

– Я всё понял, отставить допрос. Остынь Боб, он такой же пленник, как и мы.

– Я не верю ему, – огрызнулся Боб. – Пусть докажет.

– Все доказательства на лицо, Боб. Его одежда, идентич-

ная нашей. Возраст соответствует нашему возрасту, и стёртая из памяти информация, всё как у нас. А попал он сюда тем же способом, которым попадает пища и пропадают трупы. Когда ты его обнаружила Ласка?

– Я отвернулась в другую сторону, а когда повернулась обратно, он уже был здесь, – слукавила Ласка.

– Ты что-нибудь слышала, скрип например? – спросил Боб.

– Нет, я ничего не слышала, совершенно ничего.

– Что ты помнишь из своей прошлой жизни? Как тебя зовут? – спросил я.

– Ничего, я не помню ничего. Кто вы такие? Что вам нужно от меня?

– Нам от тебя ничего не нужно, – ответил я. Отныне ты наш брат по несчастью, позже придумаем тебе имя. Развяжи его, Боб.

– Нежданчик! – сострил Боб. – Или кто – то против?

– Возможно, – ответил я. – Хотя подкидывш тоже не плохо!

– Да пошли вы, – мягко проговорила Ласка. – На, поешь немного, – она протянула горемыке пакет с замороженными креветками.

– Не могу, – обхватив свой живот руками, ответил он.

– Что с тобой? – не унималась Ласка.

– Не знаю, будто кто – то грызёт его изнутри.

– Этого ещё не хватало, – возмутился Боб.

– О чём ты думаешь, Философ, – спросила Ласка.

– Игра продолжается, но чёрт меня возьми, я облазил каждый миллиметр этого проклятого места и ничего не нашёл. Ешьте, еле кому полезет пища в горло, ночка предстоит жаркая. Свеча догорает, ветер усиливается, всего вам доброго друзья мои, да хранит нас бог.

– Ни дать, ни взять, Философ, – снова сострил Боб.

Минутную паузу разrazil дикий рёв подкидыша. Его лицо побледнело, вены на висках набухли. Он скрючился в три погибели и начал кататься по полу. Ещё минуту спустя его рот наполнился кровью, тело успокоилось, и наступила мёртвая безоговорочная тишина.

– Отмучился, – пробормотал Боб.

– Это не случайность, будьте на чеку, – произнёс я. – Здесь ничего невозможно предугадать. Всё начинается и заканчивается внезапно.

– Что это? – завизжала Ласка, вцепившись в мои запястья тонкими, но довольно жилистыми пальцами.

– Что за хрень вылезла из его живота? – отскочив назад, прокричал Боб.

– Где? – спросил я, пытаюсь, высвободиться из плена Ласки.

– Да вот же морда.

Внутренне я был готов к неизбежным сюрпризам, но состояние Ласки меня не на шутку встревожило. Я никак не мог освободить руки. Её мышцы парализовало, мозг отказывался воспринимать действительность. Мои запястья

кровоточили, длинные ногти Ласки вонзились в мою плоть до самых костей, от боли и от её пронзительного визга я терял концентрацию.

Тварь выскочила из чрева подкидыша и стремительно слиняла в противоположный от нас угол. Пламя свечи выросло и я лицезрел это хищное порождение ада. Очередной выведенный в лаборатории злобный мутант, смесь кошки, рептилии и скорпиона. На мохнатой кошачьей морде блестели круглые золотистые глаза. Пасть широко открыта, видны белые заострённые как медицинские иглы зубы. Туловище вытянутое, конечности невероятно мускулистые, длинный хвост с шипом на конце.

– Боб, давай за скамейкой, – скомандовал я.

– Но это, же баррикада, – удивленно произнёс он.

– К чёрту шулки, Боб.

Он развернулся и скрылся в трубе.

– Ласка, Ласка, – думал я про себя, – что ж ты делаешь, дурёха. Расслабь мышцы, освободи мои руки, очнись же, девочка моя.

Вернувшись вооружённым, Боб занял боевую позицию. Тварь приступила к разведке боем. Она подбегала к нам на довольно близкое расстояние, маневрировала, производила немыслимые выпады вперёд, назад и стремительно скрывалась в неосвещённой части помещения. Боб держался молодцом, он понимал, что исход схватки лишь в его руках, он отчаянно молотил скамейкой по полу, стараясь поразить

цель. Его силы иссякали на глазах, и это забавляло мутанта, существо словно играло с ним. Я не знал чем помочь и вдруг уязвимое место твари обнаружилось. Я заметил, что под прямыми потоками холодного воздуха, проникающего в помещение через трубу, мутант слабеет и затормаживается.

– Холод! Боб, тварь боится холода! Возьми это на заметку, дружище.

– Я понял.

Но как показало следующее мгновение, он совершенно, ни черта не понял. Он отбросил скамейку и начал вытанцовывать какие – то индийские танцы.

– Нет, Боб, нет.

– Так надо, Философ. Прости меня, друг.

– Ты ни в чём не виноват, – закричал я. – Да пусть же ты меня.

Видит бог, мне нечем было помочь этому несчастному человеку, Ласка связала мои руки, чёрт знает, сколько дней я не употребил ни крошки пицци, отдавая свою долю ей, я совершенно выбился из сил. Я видел как Боб, раззадорив мутанта, побежал по лестнице вверх, видел, как тварь устремилась за ним в погоню, видел и проклинал себя за беспомощность.

Не знаю, сколько времени прошло, может час, а может всего минута, перед тем как мне удалось освободиться, но то, что я совершил первым – это поспешил на помощь Бобу. Мои ноги не слушались, соскальзывали с мороженой арма-

туры, запястья кровоточили и болели, в глазах темнело. Добравшись до самого верха, я увидел безжизненное тело мутанта, оно свисало на половину из трубы, словно брошенная кем – то половая тряпка. Холод сделал своё дело. Я посмотрел вниз и увидел Боба, его тело лежало, не шевелясь на поверхности снега. Я был полностью уверен, что если вступить на снег непременно окажешься в его вечных объятиях, как я был рад своей ошибке. Металлическая лестница снаружи не доходила до снежного покрова примерно метр, я быстро и беспрепятственно добрался до Боба.

– Что ты натворил? – закричал я, склонившись над неподвижным телом Боба.

– Зачем так орать? – открыв глаза, ответил Боб.

– Что? – не веря своим ушам, произнёс я. – Ты жив! Сукин сын, ты жив.

– Да это так, – слегка улыбнувшись, произнёс Боб.

– Не вздумай шевелиться, я произведу обследование. Она укусила тебя?

– Нет, я просто ударился затылком о твёрдую наледь. Лёгкое сотрясение и все дела.

Всё равно нам необходимо немного отдохнуть, нам предстоит нелёгкий путь обратно, карабкаясь по этой проклятой лестнице.

– Я в порядке, Философ, а что с Лаской? – спросил он, поднимаясь на ноги.

– Чёрт побери, – мелькнуло в моей голове. – Я совсем за-

был о Ласке.

Новый поток сил ворвался в моё худощавое тело. Я велел Бобу двигаться первым на тот случай если его силы иссякнут, и с божьей помощью мне удастся его удержать. Впереди себя я не видел ничего кроме чёрных протекторов на подошвах Боба. Какая – то невероятная ярость раздирала мою душу. Спасая Боба, я потерял Ласку. А может, нет, ах, сколько бы я сейчас отдал за то, чтобы ошибиться в своих предчувствиях. Путь навверх казался бесконечным. Мои ноги то и дело соскальзывали, я бился подбородком о холодную арматуру, что – то кричал. Когда вершина покорилась, перед нами предстал не менее нудный и опасный спуск. С каждой новой ступенькой мой пульс ускорялся, я, словно не спускался, а проваливался в какую – то чёрную беззубую пасть. И вот оно счастье. Ласка сидела за столом, утирая крупные слёзы жёстким рукавом ватника. Труп незнакомца исчез.

– Вы оба живы, мальчики! – прозвенел её голос.

Я не успел ей ответить, Боб закричал и повалился на пол, устремив меня за собой. Он так крепко вцепился в моё плечо, что мы рухнули, словно два бесхозных мешка с опилками. Прилив сил спал. В моём теле болел каждый миллиметр, что говорить о Бобе упавшем с такой высоты головою вниз.

– Зе энд, – прохрипел Боб.

– Нет, – закричала Ласка. – Что он сказал, Философ?

– Что ты сказал, Боб? – спросил я.

– Не знаю, но чувствую что, что – то верное.

– Нет, это просто последствия после тяжёлого сотрясения мозга.

– Моё сердце скоро разорвётся, а тело, словно кусок замороженного мяса.

– Он и вправду слишком холодный, – промолвила Ласка. – Ему нужно что – то горячее.

– Пальцем я делан, если не смогу вскипятить воду? – рявкнул я, вскочив с полу.

– Каким способом, старина? – еле слышно произнёс Боб.

– Точно не знаю, но я сделаю это. Прижми его к себе, Ласка.

Подбежав к столу, я высыпал креветки, освободив тем самым целлофановый пакет, затем, не медля ни секунды, я налил в него немного холодной воды из пластиковой бутылки, внезапно появившейся на нашем столе. Я не отдавал отчёта своим действиям, руки словно сами хватали всё подходящее и творили с этим невероятные чудеса. Я держал целлофановый пакет, над самым пламенем свечи, лихо перегоняя воду из одного края в другой. Не знаю, сколько прошло времени, но фокус удался, вода закипела. Ловким движением рук я перелил кипяток в заранее приготовленный стакан, изготовленный мною из пластиковой бутылки.

– Вот, попей немного, это поможет согреться, – с ноткой невероятной гордости произнёс я.

Боб не ответил. Он сделал всего один маленький глоток

и глаза его закатились.

– Нет, – закричал я. – Ты не помрёшь.

«Всё кончено, – шептал чей – то противный голос внутри меня. – Чудес не бывает, всё кончено друг».

– Мне страшно, – послышался растерянный голос Ласки.

– Иди ко мне, я не дам тебя в обиду, – промычал я.

– Кто следующий, ты или я?

– Никто, больше никто. Ты веришь мне, Ласка?

– Да. Обними меня.

Странное дело за всё протяжении времени пока мы были вместе, я ни разу не посмотрел на неё как мужчина на женщину. Я любил её как сестру. Я жалел и оберегал её. Только сейчас в тусклом свете догорающей свечи, я заметил красоту её крупных лучащихся добротой глаз. Только сейчас я заметил, как прекрасны её длинные чёрные волосы, её губы, её шея и овал белоснежного лица. Неужели всё, что открыто и доступно мы замечаем и любимся им в самом конце, а всё время «до» ищем чего – то запретное и несуществующее. И как ей удаётся находясь в этой отвратительной обстановке оставаться такой свежей и привлекательной. Только сейчас я понял, чего ей это всё стоило, довольствуясь скудной порцией воды.

– О чём ты думаешь, Философ?

– Пожалуйста, не называй меня больше так, мне больше не нравится это имя.

– А как тебя называть?

– Называй меня Андрей.

– Андрей, почему?

Ответа не последовало, наши губы сблизились и слились.

***

Сладостный стон страсти слетал с её нежных раскалённых губ. Я не видел её глаз, но я чувствовал её тело. Словно ласковая змея она извивалась и отдавалась мне полностью. Тишина, укутанная чёрною шалью ночи, слушала и не решалась обронить ни единого звука. Два сердца, обречённые на неминуемую гибель, пылали невидимым пламенем и бились в одном оглушительном ритме. Её ногти вонзались в мою спину, но я не чувствовал боли.

– Это было великолепно, – прошептала она, уткнувшись своим хлюпающим носиком в мою влажную волосатую грудь.

– О да. Это было чертовски великолепно! – Ответил я.

Рой мыслей с невероятным шумом возвратился в мою истерзанную думами голову. Миг счастья закончился и остановившееся время снова пошло, отчеканивая ровные монотонные шаги. «Там, где – то там, далеко-далеко мы были и жили. Как мы жили? Бродили ли мы, беззаботно упиваясь красотой природного пейзажа, или страх и тревога наполняли наши души? Свет раскалённого солнца или блеск луны падал на наши юные необузданные тела? А может быть пря-

мо сейчас холодные струи ливня безжалостно стирают последние отпечатки наших подошв. Проклятая дьявольская нора: здесь все кошки серы, а козыри биты. Что же нам делать дальше?» – думал я, слушая дыхание Ласки. «Мы просто герои, мы несчастные персонажи в чьей – то очередной бульварной книжонке. В чём замысел автора? Продуман ли хеппи-энд изначально или же и его самого терзают смутные сомнения. Жизнь и счастье. Мучение и смерть. Выбор не прост, но неизбежен, ибо у каждого начала должен быть конец». Я не заметил, как заснул и оказался в другом, но не менее ничтожном месте.

Огромный водопад от земли и до самого неба, бурлящая вода напоминающая кипяток, в какой – то стеклянной прозрачной пробирке. Осторожно приближаюсь и чувствую холод. Ватник становится невыносимо тяжёлым, ещё несколько шагов и я превращусь в бездушный кусок льда. Не решаюсь обернуться, там за спиной ночь, чёрное жидкое месиво и ещё что – то или кто – то. Я слышу смех металлический неприятный смех. Я не боюсь его. «Это предатель» – шепчет чей – то голос, небрежно царапая нежные поверхности барабанных перепонок. «Иди за ним следом, твоё „я“ уничтожено, ибо нет в тебе больше ни души, ни личности».

Сон оборвался. Моя правая щека, ощущает какой – то слабый но доселе неизведанный холодок. Что это? Поток воздуха или чьё – то дыхание? С максимальной осторожностью я освободился из прочных объятий спящей Ласки и напра-

вился к столу.

Я ощупал поверхность стола и обнаружил новую пухлую свечу. Я зажёл спичку и поднёс к фитильку дрожащее пламя, словно озарение свыше, осветило мрачное покрытое плесенью убожество. Первое что бросилось в глаза это большой чёрный квадрат на полу. Я рухнул на четвереньки и пополз. «Пресвятые угодники», – проговорил я вслух. Таинственный лаз смотрел на меня своим чёрным прохладю сквозящим глазом. Опустив свечу вниз, я заметил очертание узкого коридора уходящего куда – то в тёмную непроглядную тьму. «Вот и ответ!» – мелькнуло в мозгу, переполненном неожиданно ворвавшейся радостью. Я уже было метнулся разбудить Ласку и поделиться этой приятной новостью, но по какой – то самопроизвольной системе моя голова повернулась в сторону стола. Привычных вещей я не обнаружил. Отсутствовали кровати, вода, спички, но по самому центру деревянной столешницы лежал белый свёрток, перевязанный тонкой капроновой нитью. Я сорвал нить и впился глазами в свежие чернила коряво написанных строк.

Здравствуй, отчаянный пленник мира под колпаком.

Не ликуй и не бей в фанфары, слушай и мотай на ус. Неважно имя моё, не важны даты и время. Воздух разряжен, а кровь, текущая по твоим венам не имеет ни цвета, ни запаха. Ты борешься за жизнь, а жизнь умерла, она спит и ей снятся скучные чёрно-белые сны. Ты терзаешь свою го-

лову вопросам. Кто ты? Как оказался в этом убогом месте? А чем ты хуже других?

Постой, угадаю. Теперь ты изнемогаешь от желания узнать: кто я. Я – Бог! Да, да не удивляйся, именно Бог. Не тот, который сотворил мир и вселил в него жизнь. И не тот, которого никто и никогда не видел. Слушай и плачь над своим унижительно ничтожным существом. Однажды – это было настолько давно, что не имеет никакого смысла ворошить окаменевшую золу прошлого. Я был молод и упрям в правильности своих убеждений. В моей груди не слышалось биение сердца, а на висках не пульсировали синие набухшие вены. Мой организм не знал усталости, и только сбитые до крови ноги напоминали о том, что я обычный смертный. Я шёл вперёд. Шёл, невзирая на голод и погодные капризы. Шёл, чтобы доказать, доказать целому огромному миру о том, как он заблуждается. И я дошёл! И я проорал в эти пьяные, лоснящиеся от жира морды. «Очнитесь!» – горланил я, стоя на зловонном заляпанном биологическими отходами камне. «Всё, что вам кажется мифом и байками уже завтра обретёт твёрдую форму бытия. Смотрите! Я показал совершенно обычную ладонь и, щёлкнув двумя пальцами, произвёл яркое пламя огня. И это не иллюзия и не шарлатанство. Подойди и убедись лично». Но в место этого, толпа взревела и набросилась на меня словно стая глупых жаждущих крови гиен. Они привязали меня к позорному столбу и забили камнями. А потом ко-

гда насытившись зрелищем стадо разбрелось по своим убогим углам, ко мне подошли два жутко пахнувшие калеки и, освободив изуродованное тело, бросили в яму, клича голодных свихнувшихся на мертвечине собак. Тут мои глаза открылись, а изодранные камнями мышцы наполнились свежей доселе невиданной мощью. И словно восставший из ада я встал на ноги и, хрустя переломленными костями, выпрямился в спине. Собаки поджали хвосты и, скуля по – щенячьи припали на передние лапы, а обезумевшие от увиденного калеки остолбенели и превратились в безжизненные потрёпанные временем истуканы. Но и после этого всего, я не проклял человечество. Мне стало его ещё жалче. И вот тогда во что бы то мне ни стало, я поклялся излечить и спасти его. Я изобрёл сыворотку, которая попадая в живой организм, убивает и возрождает его заново. Свойства мозговых клеток изменяются, оставляя лишь мизерную долю информации из прошлой жизни. Поначалу мне приходилось самому караулить и стерилизовать несчастных, но потом по мере их стремительного роста, этим ремеслом занимались другие, очищенные и перевоплотившиеся в иное сверхновое существо. Из века в век, в новый созданный моими верными слугами мир, тянулись длинные вереницы обретших свободу людей. Они двигались тайно, не спеша, приближаясь к самой крайней точке севера, где ни когда не вступала и не вступит нога обычного человека. Минуя километровые коридоры, проложенные через вечные льды и водные глуби-

ны, они попадали в мир. Мой мир. Структура крови разрушалась, и путь назад становился узкой, кишащей неожиданными дорогой к смерти. Конечно, всё человечество мне спасти не удалось. Они плодятся настолько быстро, что, не ведая сами, обрекают себя на долгое бессмысленное мучение. Ты был в числе последних, кого я спас от не минуемого тлена. И ты оказался крепким орешком. И твой друг Винт. И Боб, которого ты, кстати, сам убил, напоив бедолагу вскипевшей водой. Тепло и чистый кислород – это самый лютый враг созданного мною организма. Твои мозги постоянно прогрессировали. Сыворотка была бессильна. Я испугался непредвиденных обстоятельств и миллионы ни в чём не повинных людей были отправлены в вечный, беспробудный анабиоз. Я был на столько зол, что поместил вас в сырой наполненный сюрпризами отсек. Я жаждал смотреть и наслаждаться, как вы будите метаться в панике, пытаясь помочь друг другу и умирать мучительной, но заслуженной смертью. Я даже подослал к вам свою дочь. Да, да! Но эта глупыха прониклась к тебе чувствами и, то, что произошло между вами месяц назад. А ты думал прошлой ночью? Это поставило окончательный крест на все мои многовековые страдания и победы. Я слишком люблю свою дочь, и пусть она будет счастлива с тобой, чёртов туземец. Но повторяюсь: не ликуй и не бей в фанфары, ибо с этой минуты ты становишься вечным владыкой и пленником мира под колпаком.

Дочитав послание до конца, я впал в какое – то необъяснимое оцепенение. Мои руки тряслись, а мозг вспыхнул жутким пламенем ярости. Всё новая и новая информация возрождалась в моей стёртой истерзанной памяти. Я повернул голову и увидел Ласку. Её бледное, я бы даже сказал, невероятно бледное лицо, выражало мёртвое, непоколебимое спокойствие. Игра закончилась и маски сняты. Холод её ладони коснулся моей руки.

– Идём, – произнесла она тихим, но чертовски приятным голосом.

Глупый птенец

Глупый птенец – он чувствует крепость крыла, и мир, искусно сплетённый родителями из тонких ивовых прутиков, кажется тесным. Он смотрит вдаль и задаётся одним единственным вопросом: «Что там спрятано за этим густым непроницаемым туманом?» Туман рассеется, но он не намерен ждать, он больше не верит в сказки взрослых, они пропитаны ложью и ужасом. Взрослые вечно чего – то боятся. «Глядите!» – кричит он, стоя на самом краешке гнезда. «Сейчас я шагну вперёд и полечу!» Он расправляет крылья и падает вниз. Земля стремительно несётся навстречу. Птенец не боится, он пуст и самонадеян, в его лексиконе нет слова «страх», он полон решимости и вдохновения. Несколько секунд падения не учащают биение его сердца. Хлоп. И мир, до селе казавшийся постоянным, пускается в какую – то странную необъяснимую круговерть. Встать на ноги и взмахнуть крыльями, недавно это казалось легко и просто, но невидимые потуги под названием боль, диктуют свои суровые правила. Он смотрит вверх и плачет. Облака словно белоснежные завитушки, молчат и грациозно скользят по синему бархату неба. Он видит пейзаж, который наполняет его жалкое существо немymi и совершенно незнакомymi ощущениями. «Что это такое?» – спрашивает он себя, глядя на длинные и невероятно тонкие стебли трав, мирно

покачивающиеся под напором слабого воздушного потока. «Что это за круглые прозрачные катышки, свисают с листьев и, отрываясь, падают вниз?» Очередная попытка подняться, опять не увенчалась успехом. Но глупый птенец не сдаётся, он не в силах смириться с тем, чего нет, чего никогда не существовало в его скудном детском мировоззрении. Он поднимается и падает. Падает и поднимается. Силы иссекают, крылья становятся неподъёмно тяжёлыми, он ложит голову на землю и закрывает глаза. До боли знакомые голоса врываются в ёго ушные раковины и щекотят барабанные перепонки. Убитые горем родители ошалело мечутся между лесных зарослей и кричат его имя. Он хочет ответить и не может. Крылья свистят так близко, что, кажется ещё чуть-чуть, и они коснутся его тельца. Чуда не происходит. Ночь опускается на тихо шелестящие кроны деревьев. Тысячи сверчков расчехляют музыкальные инструменты и, настроившись на нужную ноту, сливаются в один душещипательный фальцет, наполняя тишину леса чудеснейшим колоритом ночной музыки. Сотни крылатых теноров, укрывшись в прохладе листвы и выкатив грудь колесом, демонстрируют невероятные способности своих голосовых связок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.